

Никита Егоров

Ночь

Никита Егоров

Ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17209232

ISBN 9785447453091

Аннотация

Ты возвращаешься домой, неважно откуда, с работы, с гулянки ли. Переходя по диагонали пустую улицу, ты предоставлен только самому себе. Ночь – это зеркало. И единственное чудовище, которому ты можешь посмотреть в глаза, – это ты сам. Также я решил включить в эту книжку цикл, который стал складываться сам собой. Он называется «Весна» и посвящен детству, настоящему и воображаемому.

Содержание

По диагонали	7
Демоны, спутанность и электробритва	9
Туда и обратно	11
Игра с нулевой суммой	12
Кухонная проповедь	14
А.	16
Откровение	18
Ночь #1	20
Ночь #2	21
Трубы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ночь

Никита Егоров

© Никита Егоров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По диагонали

Пустую улицу переходя наискосок,
я наступаю с пятки на носок.

И в тьме июльской ночи растворяясь,
я становлюсь ни низок, ни высок.

Дома сомкнули строй вокруг меня,
дворы как бухты, от валов храня,
как бабушка, сиренью надушившись,
спешат в свои объятия принять.

Слепые окна смотрят на восток,
стремясь увидеть солнечный росток.
Мой путь проходит по диагонали.
Я делаю затяжку и глоток,

стараясь раствориться поскорей,
хотя и знаю, свет души моей, —
я выпаду в осадок у подъезда,
кристаллизуясь прямо у дверей.

Так хочется остаться в этой тьме,
не видеть больше этих утр и дней,
ни этот мир, невыносимо новый,
ни жизнь, принадлежащую не мне.

Демоны, спутанность и электробритва

Где будут жить твои демоны,
если ты сдвинешь створки трельяжа?
Где будет жить твоя ненависть,
как не в тонкой серебряной пленке?
Насколько же надо запутаться,
чтоб о бое не думать даже?
Наши демоны все больные,
и какие у них силенки.
Ты несешь свой стакан через комнату,
стараясь не расплескать.
Вокруг толкотня и музыка,
кто-то курит не там, где положено.
Ты пытаешься быть тем, кем кажешься,
ведь собой уже не стать.
Это как надо было запутаться,
чтоб все это принять за должное?
Это как же надо запутаться,
чтоб искать красоты на помойке,
среди тех, кто нормально не может,
может только под чем-то и датым?
Если ты закроешь свой госпиталь,
где будут все эти сильные-стойкие?
Если война вдруг закончится,

что будут делать герои-солдаты?
Где будет жить ветер,
если все деревья пойдут на забор?
Кто будет перебирать заре ее волосы,
если не их длинные тонкие пальцы?
Открой глаза и выпусти слезы,
а вместе с ними весь этот сор,
тот, что ты называешь опытом,
и не строй из себя страдальца.
И тогда все твои вероятности
станут вновь равновероятными.
Ты поймешь тогда – то, что запуталось —
на самом деле лишь воздух.
Перестань, отдавая слова,
забирать их тотчас же обратно,
они и так уж до дырок затерты.
Еще немного, и будет поздно —
ты забудешь, что все твои демоны
у тебя в голове, а не в зеркале.
Как же ты тогда будешь бриться
своей новой электробритвой?
Это как надо было запутаться,
и, глядя в блики на хрустале,
принять то, что должно быть собрано,
за то, что уже разбито?

Туда и обратно

Мы – две паутинки на ветерке,
засохшие травы.

Ты – маленький палец на левой руке.

Я – маленький палец на правой,

Цепочка чьих-то следов на снегу:
туда и обратно.

Снежинка в сугробе, иголка в стогу,
пескарик в ведерке у брата.

Ты – зеркало с трещинкой на уголке,
плохая примета,

Рябина под снегом. Плотвичка в реке:
блеснула на солнце – и нету.

Пустая страница в моем дневнике,
заката отрава.

Ты – маленький палец на левой руке,

Я – маленький палец на правой.

Игра с нулевой суммой

Я сижу и смотрю в затылок
старика, что сидит впереди меня;
он сидит и смотрит в затылок младенца,
что сидит впереди него;
Мы рождаемся, чтоб умереть,
умереть ничего так и не поняв;
в мире нет ничего чужого,
так как нет ничего своего;
ты не можешь иметь ничего
что ты смог бы потом потерять,
потому что, вообще говоря,
ты не можешь что-либо иметь;
блаженны лишь мертвые, ибо они
могут, в кои-то веки, не врать;
блаженны морские рыбы
в своем незнании глагола «петь»;
в наших играх сумма равна нулю;
нам нет смысла что-либо менять;
мы, в каком-то смысле, секунды
одного бесконечного дня.

Остановка. Старик выходит.

Я спешу его место занять.

И теперь я смотрю в затылок младенца,

что сидит впереди меня.

Кухонная проповедь

Блаженны нищие духом – они наследуют все на свете.
А ты наследуешь осень, ты наследуешь ветер.
Они наследуют славу, они наследуют память.
А ты остаешься сидеть на кухне.
Ты остаешься сзади.

Блаженны и те, кто плачет – у них будет много работы.
Ты тоже не то что смеешься до колик и до икоты,
просто не видишь смысла рассказывать с придыханьем,
о том, насколько чертовски плохо
быть не кем-то а нами.

Блаженны изгнанные за правду,
кто в жопе воды не держит;
чистые мозгом; кроткие, утратившие стержень.
Наследуйте на здоровье все то, что вам завещают.
А ты съешь мягких французских булок,
да выпей еще чаю.

И пусть весеннее солнце смотрит грустно в грязные окна,
заглядывает тебе в душу, в твой пыльный кокон,
Но как расцветают вещи, разбуженные его взглядом!
Кастрюли, кружки, и ты, который
понял, что так и надо.

А.

Ты – как камера, установленная в парке.
Люди мелькают перед твоими глазами,
и сезоны сменяют друг друга.
Но ты не видишь в этом круга,
потому что все идет и остается таким же, как раньше.
Все проходит, проходит мимо,
но только в одну сторону, в одну сторону.
Все проходит, все происходит, а жизнь не движется.
Снова трясут мешок с номерами лото.
Снова трясут решето,
которое наполнено камнями.
И ты смотришь на снег целыми днями.
Сейчас ты смотришь на снег,
ему должно быть страшно падать на грязь,
может быть, он хотел бы совсем не упасть.
Но ты знаешь – снег ничего не хочет.
Ничего ты не знаешь, впрочем.

...А потом случается то, чего все так ждали.
После начинается вся эта чушь,
про то, что прелесть не в событии, а в ожидании,
и все ходят из комнаты в комнату в молчании.
Только ты один ничего и не ждал,
и со стула своего не вставал.

И все уходит, как твоя жена,
которую ты любил такой, какой она всегда была.
Но она похудела и набила татуировку.
Потом ушла.

Из накуренной комнаты выйдешь,
свежий воздух попробуешь,
вернешься, поставишь Дэвида Боуи.

А потом что?

Откровение

То ли солнечный ветер шумит в ушах,
то ли корч литосферных плит;
Моря вздох разорвал диафрагмы дамб,
а за лесом стоит ледник.

К нам опять приезжает сгоревший цирк —
смех, вода, головешки, вонь.
Дым и пар – на небо. Вниз – божья любовь
и снежинки (но их не тронь).

И то ли Ангел, у барной стойки уснув,
потерял и нимб и трубу,
то ли Локи курнул и на все забил,
не поверив в свою судьбу,
но вчера корабль из мертвецких ногтей
заходил в наш порт. Теперь
выбирает треску из его сетей
некто в черном – старик иль зверь.

В центре города, в парке, где спят бомжи,
и деревья в мороз трещат,
пляшут феи, закинувшись ЛСД,
великаны ж, невнемля, спят.
И на всяк пожарный ушли в зоопарк
все тельцы и орлы, и львы.

Апокалипсис встал, не окончив бал,
и навечно застрял посреди главы.

Ночь #1

Ночью, в окружении пустых бутылок,
все становится сразу понятно.
Все, что днем незаметно было,
все, что скрывали слепые пятна.
Обернулась соломина нитью растяжки,
облака – медицинской ватой.
Те, с кем днем ты играешь в шашки,
объясняют значение белых квадратов
на черном полу. Но это напрасно,
потому что назавтра не вспомнишь ни слова.
Для зубов у тебя есть зубная паста,
а для мозга – много всего другого.
Окунуться в действие – не получится,
больше нет путей к наступлению.
И не верится, что на ошибках учатся,
разве можно на крике учиться пению?
Белый шум в наушниках, тьма над бездною.
Отражение чье-то в стекле балкона.
Доброй ночи, мама. Побудь любезною,
уложи меня спать в позе эмбриона.

Ночь #2

Официанты выпроваживают последних завсегдатых,
таксисты развозят их по домам.

Ночь удушающе темна. И всем понятно —
она принадлежит не нам,
не нам, но и не вам.

Каждую ночь подземный гул и огни в небе.
Каждую ночь экзорцисты изгоняют чертей.
Долго ли душа может прожить на хлебе?
На воде и хлебе,
безо всяких страстей.

Подливаю спирт в бензобак своего существования.
Потом удивляюсь, почему мотор барахлит.
Читаю рекламу, ища понимания,
пытаюсь понять,
откуда смердит.

В вопросах притворства всеобщая искренность.
Скрывать что что-то скрываешь – бессмысленно.
В четыре утра нужно быть бдительным,
особенно бдительно
следить за своими мыслями.

Впрочем, я и в полпервого отягчен заботами.
Одна из них – чтоб не вырвалось, когда не ждешь,
что-нибудь вроде «это я работаю.
Я работаю,
а ты просто сопли жуешь».

Еще одна —
соответствовать собственным представлениям.
Быть лучше – лучше, не быть, заметить, —
совсем хорошо. По поводу и без иметь свое мнение,
свое мнение.
И чужие мнения тоже иметь.

Третья забота – не придавать значения двум первым,
этой самой и всем, что идут за ней.
Полагать метод забивания самым верным,
а забивания метод – еще верней.

И за этим всем маскировать непригодность этого
всего чтоб что-либо маскировать.
Плевать в небо и, не дождавшись ответного,
плевка не дождавшись,
ложиться спать.

И вот уже опять утро, и вот уже я гордой походкой
человека, который ни к чему не готов,
выплываю, как будто подводная лодка,
под звуки канонады,
канонады выбиваемых ковров.

Рассвет принадлежит
грязным стеклам и смятым постелям.
Сонные ночные продавщицы протирают полки.
Что случилось, пока мы не смотрели,
пока мы моргали
чудовищно долго?

Ничего.

И вот – уж е снова ночь, солнечное затмение,
не моя и ничья, само собой.
Пока я возвращаюсь домой,
свет фонарей обтекает деревья,
свет фонарей обтекает деревья,
пока я возвращаюсь домой.

Трубы

Трубы дымят электричке вслед.
Ни тебя, ни меня тут давно уже нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.